

Глава 2

ЛЮДИ И БУЙВОЛЫ (ТОДА)

Нельзя покинуть Южную Индию, не остановившись на одном небольшом племени, которое до сих пор представляет загадку для этнографов. Мы имеем в виду племя тода. Его представители живут в горах Нилгири (Голубых горах) в западной части штата Тамилнаду и крайне немногочисленны (примерно 1 тыс. человек). Тода — во всех отношениях удивительный народ, поражающий своей особостью даже на фоне адиваси с их неповторимой яркостью и своеобразием культуры. Прежде всего тода живут в недрах южных гор, в окружении племен, негроавстралоидных по облику, низкорослых и темнокожих, лесных собирателей или ранних земледельцев. А у тода рост выше среднего, довольно светлая (для Индии в целом) кожа, ярко выраженные черты европеоидной расы, густые бороды у мужчин... Язык относится к дравидийской семье, но, как было отмечено лингвистами, при произнесении священных текстов во время ритуальных действий звучит иной язык, более древний, не дравидийский. Этот язык называют *кворжам*. Откуда он? Своей письменности у тода нет.

Тода — единственный среди южных адиваси пастушеский народ, главное их занятие — разведение буйволов, которые, по их поверьям, были созданы для них и составляют их главное богатство. Буйволы постоянно сопровождают тода и являются наиболее отличительной чертой их жизни, пейзажа страны тода. Правда, если ранее на всех склонах паслись стада этих замечательных животных, то теперь они в немалой степени оттеснены темно-зелеными полосами чайных и кофейных плантаций, а самих тода осталось совсем немного.

Территория, населенная тода, представляет собой горное плато, где среди лесов имеется немало открытых пространств, пригодных для

пастбищ. По заросшим густым лесом склонам, среди узких каньонов петляют тропы, которые ведут к вершине плато, где расположены хижины тода. Несколько хижин образуют небольшой поселок — *манда*, обнесенный невысокой каменной оградой. Население манда состоит из нескольких родственных семей, численность обычно не превышает несколько десятков человек. Манды обычно располагаются в живописных местах, на берегах рек и горных потоков, на опушках священных рощ и джунглей.

Хижины тода совершенно уникальны (рис. 2), они не имеют аналогий среди других индийских племен. Представьте себе огромные бочки, разрезанные пополам и поставленные срезом на землю. Задней стеной обычно служит горный склон, к которому прилеплено жилище, так что, по существу, хижина имеет одну стену — переднюю, поскольку крыша и боковые стены представляют собой единое целое, образуя своеобразную арочную конструкцию. Для крыши и боковых стен используют бамбуковую дранку, передняя и задняя делаются из досок. Входят (вернее, вползают) в жилище через небольшое (не более 1 кв. м) квадратное отверстие в передней стене. Низкий вход закрывают доской и подпирают камнем — для защиты от тигра или иного нежеланного гостя. По-видимому, такого рода бочкообразные хижины существовали у тода не

одну сотню поколений. Окон в хижине нет, и внутри дома царит постоянная полутьма, его освещает лишь коптящее пламя фитиля, укрепленного при входе. Пол земляной, смазанный глиной, очагом служат два (или несколько) плоских камня, над которыми подвешивается горшок с привычной пищей: молоком, рисом, овощами. В традиционных высоких бамбуковых сосудах, изготовленных самими тогда и помещаемых обычно над очагом, хранятся молоко, масло, простокваша — самые распространенные продукты труда тогда. Запах земли смешивается с запахом дыма, гхи (топленого сливочного масла), буйволиного помета.

Поражает вид традиционной деревни тогда. (Кстати, в наше время, хотя модернизация достигла и этого племени, в владениях которого сейчас не редки и более современные домики, их удивительные жилища продолжают сохраняться иногда искусственно — как своеобразная «приманка» для туристов.) Поселки тогда невелики и включают 5–6 хижин для двух десятков человек. Особую роль священного центра играет загон, открытый, обнесенный невысокой каменной стеной. Как уже говорилось, необходимые вещи, утварь, ткани, украшения тогда получают от соседних племен в обмен на буйволиное молоко. Но и сами тогда искусны в некоторых видах ремесла. Так, их женщины покрывают изящными вышивками полученные по обмену ткани, высокие сосуды для буйволиного молока, масла и других продуктов от буйволиц также изготавливаются самими тогда. Свои длинные волосы тогда смазывают жидким буйволиным маслом, отчего они блестят. Тогда всегда можно отличить по прическе: мужчины традиционно не стригли волосы, носили их длинными и распущенными, а женщины до сих пор укладывают их своеобразными локонами, спадающими на грудь и спину.

Хозяйственная деятельность тогда также поражает своей исключительностью. В отличие от соседей, они не занимаются земледелием или охотой и другими лесными промыслами. Главное их занятие, на котором сосредоточена вся их жизненная активность, — разведение буйволов. Тогда — пастушеское племя, вся их среда является пасторальной. По-видимому, в прошлом у тогда было распространено отгонное скотоводство: тогда это было многочисленное племя с обширными земельными угодьями. До сих пор летом часть племени откочевывает со своими стадами к границам Малабара, а к зиме возвращается на свои земли в горах Нилгири.

Буйволы встречаются повсюду, буквально на каждом шагу. Обязательной принадлежностью каждого поселка тогда является загон для буйволов, который обычно расположен за жилыми домами и обнесен оградой из неотесанных камней с узким проходом.

Теперь часто пастбища буйволов находятся на расстоянии нескольких миль от манда — многие земли были скуплены под плантации Ост-Индской компанией, поэтому буйволов приходилось выпасать так, чтобы не нарушать земельных границ уже не принадлежавших племени пастбищ. Но и при существенном сокращении поголовья стада буйволы и особенно буйволицы остаются главным богатством и сокровищем тода. Каждый рабочий день тода начинается и заканчивается важнейшим делом — дойкой буйволиц. Занимаются этим мужчины. Тугая струя густого молока быстро наполняет высокий бамбуковый сосуд. Из бамбука тода изготавливают другие сосуды, а также палки для сбивания масла — это тоже священное занятие тода. Всю остальную утварь, как и прочие необходимые предметы и продукты, тода получают от соседних племен. Кроме разведения буйволов, важнейшая составляющая традиционного хозяйства тода — торговые контакты. Упоминания о буйволах неоднократно встречаются и в религиозной, и в мифологической, и в прочих сферах.

Сейчас несколько слов о взаимоотношениях тода и их соседей. Как уже отмечалось, соседями тода являются дравидийские земледельческие племена — мударгары, бадага и ката. С двумя последними у тода издавна (мы располагаем сведениями начиная с XIX в., но, по всей видимости, корни их взаимоотношений значительно глубже) существовал регулярный натуральный обмен, в ходе которого тода в обмен на масло и молочные продукты получали от искусных ремесленников ката необходимые в быту медные кружки, глиняные сосуды, украшения из серебра, ткани и пр., а от огородников и земледельцев бадага — зерно (прежде всего рис) и овощи.

С соседями тода связывают не просто обменные, но более сложные отношения. Когда-то тода были хозяевами земли Голубых гор. Никому точно неизвестно, когда первые пастухи-тода пришли в горы, но до сих пор все окружающие их племена признают за ними право первенства. У тода не было понятия собственности на землю, и они щедро раздавали ее (за символическую плату), в первую очередь земледельцам-бадага. И когда позже правительство, стремясь приучить тода к земледелию, официально отвело им какую-то землю, тода передали ее бадага. Тода, удивительно деликатным по природе, было непонятно, зачем им земля, если они на ней не работают, и тем более если они не могли продавать ее за деньги. В результате бадага и ката, как мы говорили, обслуживают тода, но последние по традиции продолжают считаться хозяевами местной, уже фактически не принадлежащей им земли. И бадага, как и ката, снабжают необходимыми продуктами и изделиями тода не только в об-

мен на буйволиные продукты, а просто в форме традиционных даров определенному роду тода, признавая тем самым его приоритет.

Бадага, к тому же, выступают в качестве своего рода посредников для тода. Если последний хочет купить буйвола у своего соплеменника, он не станет непосредственно обращаться к нему — взаимные расчеты в племени считаются унижительными. Он попросит бадага взять на себя все переговоры и приобрести для него буйвола, причем не торгуясь по поводу цены. Точно так же тода сдают свои земли под картофельные поля тем же бадага, получая за это два-три мешка картошки или вообще ничего. Тода не умеют копить. Конечно, с течением времени, начиная с английской колонизации, в обществе тода многое стало меняться, в их горы получили доступ товарно-денежные отношения. Теперь рынок прочно вошел в их быт. Среди тода обычным делом стало пойти компанией на рынок, купить на всех скверного кофе, печенья, несколько браслетов и любимую вещь — зонтик. Это новшества. Одновременно в быту продолжают употребляться серебряные украшения, металлическая посуда — их поставляют те же кота, но если раньше они выменивали эти изделия на буйволиные молочные продукты, то теперь приторговывают ими за деньги.

Серьги, большие кольца в нос, браслеты, которыми кота издавна снабжают тода, являются обязательной частью их традиционного костюма. В одежде, во всех отраслях материальной культуры тода, наглядно пролеживается исключительное своеобразие культурной традиции тода, их облика — их непохожесть на соседние племена.

Ткани тода получают от кота или покупают на рынке (особенно в последнее время). Однако местные ткачи всегда учитывают традиционный вкус тода. Одежда у мужчин и женщин тода одинаковая и называется *путжухули*. Это единый кусок светлой ткани с продольными красными полосами. Полотнище обертывают вокруг тела наподобие римской тоги, так что один конец перебрасывается через левое плечо. Под этой накидкой мужчины и женщины носят набедренные повязки из такой же ткани.

Пожалуй, единственное, что можно считать вкладом самих тода в их одежду, — это вышивка. Женщины, издревле сшившие искусными вышивальщицами, пространство между полосами на покупной ткани заполняют традиционными узорами вышивки. Как правило, тода не носят обувь, хотя на склонах Нилгири случаются достаточно холодные и сырые дни.

Ни мужчины, ни женщины не носят головных уборов, их заменяет щедрая шевелюра. Мужчины зрелого возраста традиционно отращива-

ют волосы и свободно распускают их по плечам — это еще одно наглядное отличие от соседних племен. Молодые, под влиянием современной моды, чаще бреют бороды и коротко стригут волосы. Тюрбаны, как правило, отмечают ранг мужчины — это старейшие члены рода. Отличительной чертой облика мужчин является борода, которую нельзя встретить у мужчин из других племен Южной Индии. Свои длинные волосы женщины смазывают жидким буйволиным маслом, от чего они блестят, и закручивают в своеобразные локоны. У женщин существует обычай ритуальной татуировки — рисунок в виде точек и кружочков. Нанесение татуировки являлось знаком наступления зрелости. Что касается юношей, то небольшие рубцы на запястье, локте или предплечье свидетельствовали о том, что он достиг статуса, необходимого для доения буйволов.

Все тогда — вегетарианцы. Главным их питанием является рис, сваренный в глиняных горшках, и овощи. Все это поставляется бадага или приобретается на рынке. К этому иногда добавляется мед диких пчел и некоторые съедобные лесные растения. Сейчас популярным напитком у тогда является кофе — его пьют по утрам; в кофейни заходят во время довольно частых в настоящее время визитов в ближайший населенный пункт (где есть базар).

Но вернемся к буйволам, которые составляют главное богатство тогда, они, по представлениям тогда, были созданы для них и заполняют всю их жизнь. Когда-то тысячи буйволов паслись на зеленых склонах гор, но со временем их число сильно сократилось. Два-три десятка буйволов на семью — это очень мало, поскольку удоиность буйволиц из-за сокращения пастбищных угодий крайне низка — 1–2 литра в день. Количество священных буйволиц вообще исчисляется единицами. Буйволы считаются священными животными, и — совершенно уникальный случай — храмы тогда, по сути, представляют собой молочни (т.е. места дойки буйволиц и хранения молока и молокопродуктов). Это значит, что храм используется для молитв и одновременно как ферма для дойки священных буйволиц. Хотя мы назвали всех буйволов священными, но среди них выделяются простые буйволы и священные буйволицы — именно они дают молоко, на котором покоится вся экономика тогда. И если простые буйволы принадлежат отдельным семьям, то священные буйволицы — их значительно меньше — считаются собственностью всего рода. Священные буйволицы имеют свои имена, которые помнят даже в последующих поколениях, также всем известны имена легендарных прародительниц родов. Уход за буйволицами, их дойка, сбивание масла — дело мужчин. Хозяин общается со своими буйволами

по-дружески, разговаривает с ними, уверен в том, что они его понимают. Семья, род, религия — во всех этих сферах буйволы являются центральными героями.

Племя тогда можно считать не только этнической, но и социальной общностью. В нем выделяются две половины — *тартар* и *тайвели*. В такую половину-фратрию входит до десяти экзогамных патрилинейных родов — *модол*. Каждому роду принадлежат не только священные буйволицы, но и пастушеские угодья, где их выпасают. Хотя у тогда до недавнего времени, как уже отмечалось, не было понятия собственности, особенно на землю, тем не менее каждый род знал свои угодья и придерживался их границ. Род у тогда патрилинеен и патрилокален, буйволы — главный вид собственности — передаются от отца к сыну. Тогда рассказывают, что, по словам старейших жителей, раньше наследовали поровну братья и сестры. Если род разрастается, он может занимать несколько мандов. Во главе рода стоят старейшие его члены.

Хотя род тогда, безусловно, следует считать патриархальным, тем не менее в нем прослеживаются (и вполне отчетливо) не столь редкие черты матрилинейности. Матрилинейная группа (остаток рода) носит название *паллол* и включает родню по женской линии. Характерно, что экзогамность такой группы соблюдается едва ли не строже, чем для молула. Отмечаются отдельные случаи братской полиандрии — остаток далекого прошлого, когда, видимо, матрилинейность проявлялась сильнее. У тогда отмечены два вида полиандрии. В одном случае мужья одной женщины не связаны между собой родственными узами, в другом — его следы встречаются у разных племен — жена старшего брата автоматически становится женой младших. Это более устойчивая форма брака, и именно она вызывала особое возмущение миссионеров.

Встречаются упоминания еще об одном обычае, который часто связывают с матрилинейной системой, — лишение девушек невинности до брака, причем исполняет это обязательно мужчина из другой фратрии. В семье особым уважением пользуется брат матери, едва ли не большим, чем отец, — это тоже элемент матрилинейных отношений. Наконец, многие легенды тогда говорят о происхождении того или иного рода от женской прародительницы. В названиях ряда родов ясно проступают следы былого тотемизма. Хочется отметить особую связь тогда с тигром. Это животное, до сих пор встречающееся в лесах Нилгири, также широко распространено в легендах и представлениях многих племен Северо-Восточной Индии (речь о них пойдет ниже). Тогда уверены, что тигр их никогда не тронет. И действительно, нет сведений о нападениях тигров на членов племени! Убитого тигра женщины оплакивают как сородича.

Интересно, что при отчетливо выраженной патрилинейности у тода существуют и матрилинейные роды. Как предполагают исследователи, изначальные патрилинейные дуальные фратрии, лежащие в основе родовой структуры тода, восходят к двум древним матрилинейным родам. У тода даже сохранились легенды о том, что ныне патрилинейные фратрии имели в качестве предка женщину. В итоге имеют место сложные брачные отношения между членами двух фратрий. Следы матрилинейности проявляются и в роли дяди — брата матери, который находится в более близких отношениях с детьми, чем родной отец. У тода была распространена и братская полиандрия — для упрочения семьи братья жили вместе, имея одну жену. Плата за жену производится, конечно, в буйволах, и расплачиваться за нескольких жен было бы непосильной тяжестью для семьи. О развивающейся и укрепляющейся патриархальности говорит обычай вручения лука и стрелы, которые мужчина преподносит жене на 5–7-м месяце беременности, тем самым объявляя себя отцом будущего ребенка в глазах членов племени.

Семья у тода нестойкая парная. Об этом говорит легкость разводов, которые обычно происходят по инициативе женщин. Брачная церемония по существу отсутствует — достаточно уплатить выкуп за невесту и получить от ее отца «приданое». Оба платежа традиционно вносились в буйволах, хотя в последнее время все чаще платят деньгами. Вдова находится на попечении сыновей, которые «должны сделать ее жизнь счастливой». Поскольку часто дети рождаются в результате добрачных связей, важным моментом в семейной жизни является определение принадлежности детей. Здесь уместно отметить, что у тода отсутствует понятие незаконных детей — мать, от кого бы она ни родила ребенка, всегда права. В связи с этим существует очень важная в жизни тода церемония вручения «лука и стрел», которую совершают на пятом или седьмом месяце беременности.

Итак, женщины у тода пользуются особым положением, которое, возможно, в прошлом было еще более высоким. И наряду с этим существует отстраненность женщин от самого главного, самого святого в жизни племени — женщина не только не может доить буйволиц, но и не должна даже приближаться к священным животным, находиться поблизости от храма-молочни, касаться посуды с молоком, хотя, по преданию, самих буйволов некогда создала именно женщина. Повод к отстранению женщин от священных животных мужчины нашли в легенде, которую, безусловно, сами же сочинили: однажды женщина доила буйволицу и нечаянно задела ее по носу браслетом, буйволица взбрыкнула и убежала. С тех пор дойкой занимаются только мужчины.

Что касается религиозных воззрений тода, то у них, как и у других групп адиваси, существует собственный пантеон, достаточно своеобразный, как и все у тода. Культ природы у них выражается в поклонении солнцу, луне, водам, горам. У них имеется огромное количество «богоподобных существ» (от 1600 до 1800), но это не просто абстрактные бесплотные духи, обычно населяющие мир анимистов, каждый имеет свой осязаемый уголок или элемент природного окружения, с которыми он связан. Основная масса — это духи гор, их конкретных вершин, пиков, холмов. Имеются также два речных бога, связанных с двумя главными реками Голубых гор.

Горы, Голубые горы — это исконный мир не только самих тода, но и их богов. Боги живут не где-то в заоблачных высотах, а неподалеку, в тех же горах, немного в стороне от людских поселений. И люди после смерти уходят не в какой-то призрачный внеземной мир, а остаются в определенном месте родных гор Нилгири, где продолжают вести тот же образ жизни, что и на земле. Этот потусторонний мир называют Амандр, считается, что он располагается в западной и более низкой части гор. Как и на земле, там светит то же солнце, пасутся неиссякаемые стада тучных буйволов, люди занимаются привычными делами, но здесь им не грозят никакие беды — ни болезни, ни голод, ни нашествие диких кабанов. За всем следит бог Он. Но имеется существенное различие двух миров: когда в Нилгири день, в Амандре ночь, и наоборот.

Главные боги тода — Он (или Ен) и богиня Ен Тейкиржи. Бог считается повелителем страны мертвых и богом-творцом. По одной из легенд, именно он создал буйволов (первыми именно буйволов!) и первых мужчину и женщину, от которых и пошло все племя тода. Легенда имеет продолжение — бог утомился, удалился в страну мертвых Амандр и предоставил довершать акт творения богине Тейкиржи. Считается, что сам Он был молочником — занимался дойкой буйволиц.

Богиня Тейкиржи пользуется особым уважением у тода. Некогда, считают тода, богиня жила в горах Нилгири и тогда установила все основные социальные и религиозные законы. Тейкиржи разделила всех тода на две фратрии, а те — на роды. Согласно другой легенде, богине Тейкиржи принадлежит функция изначального Творца — именно она, войдя в водоем, мановением руки сотворила первыми буйволов. Их было 18 тысяч — такую цифру называют легенды. Люди же появились, держась за хвосты буйволов, когда те выходили из водоема на сушу. Тейкиржи — самая близкая заступница людей, они обращаются к ней, когда нужны помощь или утешение. Все священные места тода связаны прежде всего с именем Тейкиржи. В частности, считается, что

многочисленные камни, которые в изобилии встречаются в горах, либо принесены богиней, либо посвящены ей. И река Кунда, в которой, по преданию, купалась богиня, тоже священна, даже крутой изгиб, который делает река, имеет объяснение, связанное с этой богиней: когда ее, купающуюся, увидел некий юноша и созвал народ, то она так разгневалась, что увела реку в сторону.

Как и во многих ранних религиях, у тода еще не установилась ясность в отношении родства главных богов — то ли это отец и дочь, то ли брат и сестра... Подобное, напомним, мы видели у андаманцев, где еще не стабилизировалось не только взаимное родство ведущих муссонных богов, но и даже пол каждого из них.

Но самой удивительной чертой религиозных воззрений тода является культ буйволов. Как уже отмечалось, их храмы, главные из которых имеют удивительную конусообразную форму, по существу, представляют собой не что иное, как молочни, в которых обрабатывается молоко священных буйволиц. В стадах есть особая группа священных животных, которых держат в особых загонах. Среди них присутствует старшая буйволица, шею которой украшает небольшой колокол, извещающий о ее появлении. Женщины должны держаться от этих животных подальше, ведь, как уже отмечалось, они не могут не только ухаживать за буйволами, но и приближаться к храму или к самим священным животным.

Примитивная религия тода является высокоритуализированной, древние обряды отмечают все основные моменты, связанные с жизнью людей и, конечно, буйволов. Одним из важнейших обрядов является рождение ребенка. Это таинство целиком связано с матерью. Она рождает и живет первые дни в особой хижине, ее лицо и лицо младенца закрывают куском ткани — для предотвращения влияния недоброжелательной звезды Кейрт. Муж в это время занят своими делами, подчеркивая свою полную непричастность к происходящему. Но при наречении именем мальчика (с девочками обходятся без особых церемоний) главными действующими лицами выступают мужчины — родня по матери. Дед по матери относит ребенка в храм, где он проводит ночь, затем называет имя и с ребенком на руках преклоняет колени перед храмом и загонем буйволиц.

Свадебная церемония ввиду непрочности брака и аморфности брачных связей, как уже отмечалось, практически отсутствует. Зато важную роль играет похоронный ритуал. Тогда кремируют своих покойников. Существуют как бы две церемонии, или два этапа: сначала сжигают тело, во время второго — череп и прядь волос. Похороны мужчин и женщин имеют некоторые отличия. Для их кремации существуют разные места.

Также при обязательном при похоронах жертвоприношении буйволов различны виды жертвенных животных: при кремации мужчин приносят в жертву буйволиц, женщин — простых буйволов. Жертвоприношение буйволов — обязательный элемент любого погребального обряда, так как тогда не представляют загробной жизни без любимых животных. Предназначенных для жертвоприношения священных животных пышно украшают. Так, традиционными были золотые подвески, одна из которых имела вид стилизованной маски буйвола — она обладала магической силой. Приведем описание еще одного сложного украшения жертвенного животного: три больших розетки из сотен раковин каури (нередко служивших деньгами) нашиты на кусок черной ткани, по бокам свисают золотые и серебряные бусины и подвески. Это украшение имеет треугольную форму (символ богини-матери), двумя розетками ткань прикрепляется к рогам животного, а полотнище висит между его передними ногами. Зрелище впечатляющее, особенно если в жертву приносится не один буйвол, а несколько.

Церемониями руководят жрецы — знатоки ритуала, которые распоряжаются имуществом храма. Дело в том, что в храмах-молочнях тогда зачастую хранятся весьма ценные реликвии, которые принадлежали предкам и происхождение которых обычно скрыто во тьме веков. Это ценное оружие, украшения, даже настоящие драгоценности, например инкрустированные серебром вазы или оружие. Все богатства хранятся во внутреннем помещении храма — обычно в храме, в отличие от обычного дома, не одна, а две-три комнаты (иногда и больше). Причем эти комнаты расположены как бы одна в другой — во внутренней помещаются самые главные сокровища. Тут же находятся не столь дорогие, но священные для тогда предметы — бамбуковые и глиняные сосуды для молока, сбивалка для масла — все необходимое для ухода за буйволами. Во внешней комнате находятся вещи, принадлежащие жрецу: сосуды для воды, риса, топор и секач. Третья комната используется обычно во время похорон — туда на время выставляют тело, если умер мужчина.

Поскольку храмы — это молочные фермы, положение жреца оказывается неоднозначным. Да, он непосредственно соприкасается с таинством ухода за священными животными, это должно повышать его престиж. Но исполняемый им ритуал — это, по существу, то, что продельывает каждый мужчина тогда, когда ухаживает за буйволами, доит их, сбивает масло. Это как бы сокращает дистанцию между жрецом и простыми пастухами. Жреца положено выбирать из фратрии Тейвели, все же категории высших храмов принадлежат фракции Тартар, члены которой могут быть только низшими жрецами. Прежде чем быть избран-

ным, жрец должен пройти нелегкое испытание — провести ночь в лесу. Условия этой ночевки оказываются тем труднее, чем на более высокое положение претендует жрец. К тому же в лесу живут тигры и леопарды. Но считается, что жрецов они не трогают.

Существует несколько рангов жрецов, что зависит прежде всего от храма, в котором он служит. Чем выше храм, тем сложнее ритуал. Самые высокие жрецы называются палол, в самом низком храме служит тарвали. Жрец в храме должен соблюдать определенные правила и запреты. Во время дойки жрец должен повязывать на талию кусок черной ткани. Он иногда может ночевать дома, даже спать с женой, но соблюдая определенные предосторожности. Жрец должен знать молитвы и проносить их по нужному случаю, некоторые из молитв очень поэтичны. Кроме жрецов, имеются еще *теюол* — пророки, оракулы, которые считаются ближайшим окружением богов, не связаны с определенным храмом и находятся в постоянных странствиях. Именно к ним тогда обращаются за помощью и советом. Если жрец — раб традиций, то теюол действует по свободному вдохновению.

У тогда, как и у большинства народов даже на самом невысоком уровне развития, существует интересный фольклор, в их мифологии наглядно выступают их любимые боги и отражаются знакомые места родных гор.

Мы уже приводили легенды, связанные с богиней Тейкержи, сотворением мира. Можно было бы увеличить их количество, тем более что кроме лидирующей в этом вопросе главной богини можно встретить и имена многих второстепенных богов, которые тоже иногда выступают в роли созидателей. Наряду с богами в фольклоре тогда действуют герои, которые могут быть сильнее богов. Одним из таких героев является Квото — юноша, рожденный из тыквы. Некая женщина родила вместо ребенка тыкву. Огорченные родители решили ее похоронить, но в огне тыква раскололась и появился мальчик, который тут же взмыл вверх. Квото — так назвали ребенка — стал проявлять такие чудесные способности (например, превращался в разных птиц и животных), что мог претендовать на место среди богов, но боги не желали принять в свои ряды простого смертного. Когда же юноша занял место на пике горы выше богов, те решили его убить. Но ничего не получалось: он то раскалывал горы, с которых его пытались снять, то коршуном слетал с них... Боги давали ему задания, с которыми сами не могли справиться, и он выполнял их. Он поворачивал горный поток, связывал солнце и водил его поить (и сейчас показывают яму, где солнце утоляло жажду). Когда солнце ушло с неба, стало темно, и люди обратились к богам, требуя возвра-

щения светила. Пришлось богам воззвать к Квото, тот вернул солнце и был признан богом. Но места ему не выделили, поэтому он постоянно бродит по горам.

Многие сказания посвящены происхождению отдельных родов, гор, буйволов. Часто встречаются противоречия — ведь, как известно, все это создала Тейкиржи! Но множественность устных вариантов также характерна для примитивных религий. Хочется привести один забавный рассказ о буйволах. Когда-то буйволицы умели говорить, причем болтали так много, что забывали давать молоко. Не удосуживались они и производить телят. Животных становилось все меньше, и встревоженный жрец пытался образумить глупых мамаш. Но те в ответ стали ругать и оскорблять жреца, да еще при женщинах! Тот не стерпел и воззвал к Тейкержи, которая не замедлила явиться. Услышав непристойные слова, она вырвала языки у буйволиц и заменила их другими — теперь провинившиеся животные могли только мычать.

С середины XIX в. среди тода начали работать христианские миссии (протестантские), которые старались приобщить их детей к новой религии, забирая некоторых из них в свои школы. Тогда достаточно болезненно реагировали на отрыв детей, и сами дети, не привыкшие к строгой дисциплине миссионерских школ, чаще всего стремились вернуться в родные манды. В целом христианское вероучение существенно не затронуло основы менталитета тода — для них по-прежнему священным идолом остаются буйволы и все связанные с уходом за ними ритуалы.

Своеобразие тода уже давно привлекает внимание исследователей и вызывает споры относительно возможного происхождения племени. Особый интерес представляет их разительное отличие от окружающих дравидийских народов, на языке которых они сейчас разговаривают. Исследование древних погребений позволяет археологам протянуть нити между культурой тода и древней культурой дравидов. Считается, что тода — единственный народ, который сумел донести (благодаря изоляции в горах) до нашего времени многие черты древней дравидийской цивилизации (элементы мегалитической культуры, ритуала, своеобразный обрядовый язык и пр.).

Мы многократно подчеркивали особость тода как этноса, их непохожесть на все окружающие (тоже дравидийские!) народы. Естественно, что всех исследователей, столкнувшихся с этим удивительным народом, не могли не интересовать причины этой исключительности, которые следовало искать, как все понимали, в недрах такой малоизвестной истории тода. Были высказаны сотни разных гипотез о происхождении тода (вплоть до связи их с древним Шумером). Действительно, дравиды по

языку, европеоиды по расовому облику, пашенные скотоводы в поросших лесом горах, не знающие земледелия, поклоняющиеся буйволам... Откуда это все? Исследование этих теорий — большая самостоятельная тема, которой нет места в данной работе, имеющей совсем иное направление. Поэтому ограничимся самыми общими, наиболее принятыми в науке соображениями.

Несмотря на то что современные тода разительно отличаются от своих дравидоязычных соседей, раскопки многочисленных погребений в разных частях гор Нилгири свидетельствуют не только о различии, но и о ряде важных общих элементов, позволяющих считать нилгирийские погребения одним из вариантов южноиндийских. Прежде всего это мегалитические сооружения, практика уже отмечавшегося для тода вторичного погребения, обычай кремации, обилие статуэток буйволов, обнаруженных при раскопках и многие другие факты. Таким образом, культура современных тода, отличная от культуры их соседей, имеет много общего с древнедравидийской, что позволяет считать тода ее органической частью. Получается, что именно тода благодаря изоляции в Голубых горах сумели сохранить те европеоидные черты, которые у других народов оказались затемнены негроавстралоидной кровью южных аборигенов, с которыми пришлые дравиды вступали в связь. У тода сохранился древний культ буйволов, многие ритуалы, связанные с погребением и др. Более частые контакты друг с другом и с внешним миром на протяжении многих веков привели к изменению внешних черт других племен, к их переходу к пашенному хозяйству, к появлению в пантеоне новых богов. Можно ли назвать тода протодравидами? Более глубокие исследования археологического прошлого южноиндийских гор позволят лучше разобраться в «тайне тода».